

Динамика и структурирование политических ориентаций в современной России

Традиционные для советского общества политические представления и ориентации подверглись размыванию в годы перестройки, были практически разрушены ходом событий в период после путча августа 1991 г. В эти годы ускоренными темпами шел процесс деинституционализации и делигитимизации основ советского политического сознания. Можно сказать, что его первой и главной жертвой стали ценности социализма.

Многие авторы утверждают, что социалистические ценности были дискредитированы еще в застойный период, ссылаясь при этом на охватившие общество еще в то время цинизм, деидеологизацию, неверие в какие бы то ни было идеалы. В значительной мере это так, однако при всей раздвоенности, свойственной советскому сознанию, социалистические ценности были достаточно живучи, ибо они продолжали выполнять специфические социально-психологические функции. Можно выделить, по меньшей мере, четыре таких функции. Во-первых, понятие "социализма" выступало как способ макросоциальной идентификации советских людей, соотнесения индивида с ценностно окрашенным "мы" — как национально-государственным (Советский Союз), так и глобальным (мировая социалистическая система). Для советского человека понятие "социализм" играло примерно ту же психологическую роль, что для граждан стран Запада понятие "свободное общество". Во-вторых, принадлежность к социалистическому обществу использовалась как способ социального самоутверждения, психологической компенсации униженности человека в условиях тоталитаризма, что было особенно

типично для низших, материально обделенных слоев. Н.Я.Мандельштам рассказывает в своих воспоминаниях о деревенской старушке, которая гордилась тем, что в деревенский магазин иногда завозят керосин и селедку: ведь за границей, считала она, трудящиеся и этого не видят. В-третьих, социалистические ценности создавали моральную основу столь характерных для советского образа жизни индивидуальных требований социальной справедливости (жалобы в инстанции, письма в газеты и т.д.). Наконец, в-четвертых, для привилегированных слоев общества социалистические ценности являлись оправданием их высокого социального и материального статуса.

Ввиду всех этих обстоятельств распад социалистических ценностей не был для большинства советских людей, как иногда казалось на поверхности, легким, относительно безболезненным процессом. Делигимизация ценностей создала весьма ощутимые психологические дефициты в личном и социальном самочувствии не только активных приверженцев этих ценностей, но и многих отвергавших их людей.

События конца 80-х — начала 90-х годов нанесли не менее сокрушительный удар по другому столпу советского сознания — великодержавному синдрому. Его психологические последствия были во многом не менее драматичными, чем последствия краха социалистической идеи.

Все эти разрушительные процессы образовали зияющий вакуум в социальных представлениях и политическом сознании российского общества. Перед ним объективно встала задача формирования новых ценностей. Эту функцию в принципе должна была бы выполнить интеллектуальная и политическая элита. Однако обе эти элиты оказались неподготовленными к ценностному творчеству. Здесь сыграли свою роль особенности российской политической культуры, не сформировавшей сколько-нибудь устойчивых традиций социального и ценностного творчества, издавна тяготевшей к противоположным полюсам: либо к сервелизму и оправданию деспотической власти, либо к ее революционному отрицанию.

Именно на этой биполярности основано традиционное политическое сознание российской интеллигенции. Обе главных тенденции интеллигентской культуры 60—70-х годов — героическое диссидентство и некоммунистический реформизм фрондирующего крыла партийного и научного истеблишмента — не несли в себе действительно творческого потенциала. Сказалась и объективная трудность: социальная практика просто не могла угнаться за проходившими с необычайной быстротой деструктивными процессами в сфере идеологии и политической системы.

Источником заполнения ценностного вакуума в годы перестройки стала нарастающая в предшествующий период оппозиционность режиму (точнее, воплощавшей его правящей номенклатуре), вылившаяся с крахом подавляющих ее тоталитарных структур в рез-

ко выраженный антикоммунизм. В качестве позитивных ценностей-идеалов на первый план выдвинулись вначале "социализм с человеческим лицом" (апеллировавший к позднему Ленину, подлинной власти Советов и т.п.), а затем западные "либеральные" ценности, приправленные популизмом.

Обе эти посттоталитарные идеологемы, в сущности, представляли собой формы ценностного импорта — либо из собственной истории, либо из западного общества. Однако импортировать всю разветвленную западную политическую культуру на неподготовленную социальную и социально-психологическую почву было невозможно. Поэтому импортируемые ценности не могли не приобрести абстрактно-стереотипного характера. Антикоммунистический вектор "требовал" их противопоставления реальному социализму, как абсолютного добра абсолютному злу. И новые идеологические стереотипы приобрели традиционный для русского общественного сознания романтически-утопический характер. Возник своеобразный парадокс: такая жестокая и прагматическая вещь, как рынок, стал предметом очередной утопии, романтизации и мифологизации. Исходя из того же противопоставления социализму, была произведена акцентированная и кичливая делигитимизация принципа социальной справедливости. Например, лидер вновь возникшей якобы социал-демократической партии заявлял, что проблемы социальной справедливости не имеют никакого отношения к социал-демократии! На той же основе возникла мифологема "среднего класса", который в ближайшем будущем якобы составит основную массу населения России.

Процесс формирования четких политических ориентаций, структурирования посттоталитарного политического пространства мог происходить на основе достаточно разработанной ценностной системы. Однако вновь возникавшая система либерально-рыночных ценностей была лишена необходимых для этого качеств. Реальное состояние развития рыночных отношений и гражданского общества затрудняло решение важнейшей, с этой точки зрения, задачи превращения ценностных абстракций в конкретные политические установки. Для активно принявшей и распространявшей новые ценности демократически настроенной интеллигенции все более острой проблемой становилось противоречие между романтизацией рынка и традиционной гуманистической культурой. Еще важнее, что "рыночно-либеральная", как и предшествующая ей "истинно социалистическая", утопия была быстро подорвана экономическим и политическим кризисом. После августа 1991 г. идейно-ценностный вакуум политического сознания еще более углубился из-за падения вдохновлявшего его антикоммунистическую направленность врага — номенклатурно-партийной власти.

Формирование новых, адекватных посттоталитарной реальности политических ориентаций тормозится рядом факторов: быстротой и в то же время незавершенностью сдвигов в социальной структуре, что

препятствует осознанию групповых интересов; несоответствием либерально-демократических идеологем реальным экономическим и социально-политическим отношениям; "кризисом сознания" интеллектуальной элиты, лишенной привычных для нее способов социального самоутверждения. Решающей же и наиболее общей причиной углубления вакуума является ситуация когнитивной неопределенности, предельно стохастический характер происходящих в обществе процессов. Этот вакуум крайне затрудняет осознание целей и средств политики, ее мотивационное обоснование, образующие необходимую основу политических ориентаций.

К этим объективным трудностям добавляются личностные характеристики новых политиков, вышедших из демократически-интеллигентской среды. Для многих из них характерен своего рода индивидуалистический синдром, сформированный всей общественной действительностью реального социализма. Отсутствие каких-либо возможностей коллективной общественной самостоятельности сформировало в советском человеке вообще, в представителях образованных слоев общества в частности, глубинную внутреннюю установку на чисто индивидуальное приспособление.

Для значительной части "нового политического класса" характерен также синдром неутоленного голода — как материально-потребительского, так и статусного. Он сформирован характерной для реального социализма ограниченностью возможностей самовыявления и вертикальной социальной мобильности представителей интеллигентных профессий, которая особенно давала о себе знать в российской провинции. Не случайно в политические лидеры, как правило, выдвигались отнюдь не крупные, преуспевающие представители этих профессий, но рядовые, испытывавшие наиболее острое чувство статусного голода. В свете этих социально-психологических факторов понятен тот "хватательный рефлекс", который общественное мнение, во многом справедливо, приписывает российскому "политическому классу". Ко всему этому можно добавить традиционную для российской интеллигенции неспособность к идейно-политической рефлексии, к ценностному и, вообще, социальному творчеству (о чем в свое время хорошо и убедительно писал социолог Л. Гудков).

В силу охарактеризованных обстоятельств, формирование соответствующих переходному периоду социальных представлений и политических ориентаций до сих пор находится в эмбриональной фазе. Этот процесс проходит по-разному в рамках "политического класса", а также связанных с ним групп, и на массовом уровне. Для политиков и идеологов главная проблема — поиск собственной идентичности в условиях, когда политический плюрализм еще не может быть основан на четкой дифференциации социальных интересов и на традициях политической культуры.

Потребность выхода из той тупиковой ситуации, в которую к концу 1991 г. зашли процессы реформирования и модернизации экономики,

вызвала к жизни выделение технократического крыла интеллектуальной элиты и попытки завоевания ею ведущей роли в системе власти. Для этой группы, представителем которой является "команда Гайдара", характерно реалистическое мышление, профессиональная квалификация, но и замкнутость в относительно узких рамках экономического прагматизма, отмежевание от всех проблем, выходящих за эти рамки. Для нее характерно также лишь формальное признание значения гуманистических и социальных приоритетов, реализация их считается делом более или менее отдаленного будущего — периода, который последует за экономическим оздоровлением. Сформированный в преддверии парламентских выборов 1993 г. блок "Выбор России" представляет собой весьма гетерогенный сплав этого технократического либерализма с унаследованным от предшествующего периода абстрактным демократизмом, а также с идеологически индифферентной и пекущейся главным образом о собственных корпоративных интересах бюрократией исполнительных органов.

Приход либералов-технократов к руководству усилил расслоение политической элиты и политически активной части интеллигенции. Факторами этого процесса явилось прежде всего соперничество в борьбе за дележ статусов и власти, озлобленность тех, кто оказался на вторых ролях или вообще отстраненным от властных структур. Сказалось также характерное для значительной части демократической интеллигенции психологическое ощущение бессмысленности собственной общественно-политической деятельности, связанное как с утратой твердой социальной почвы, так и со страхом перед дорогой в неизвестное будущее в условиях отсутствия необходимой интеллектуальной экипировки. Распад государства в его привычных геополитических рамках, нарастающий хаос в различных сферах экономической, социально-политической и обыденной жизни, разумеется, мог только усилить подобные тенденции.

Ситуация, в которой оказались реформистски ориентированные элитарные слои, вызвала в их среде острую потребность в новых, достаточно ясных и определенных политических целях. Наиболее очевидным результатом поиска таких целей стал дрейф к государственничеству и великодержавию, попытки выехать из ценностного вакуума на коне национальной идеи. Поскольку главный вектор посттоталитарного развития состоит в изменении роли и характера государства, его отношений с экономикой и обществом, проблема государства становится одной из важнейших детерминант структурирования политического спектра. Другой детерминантой является национальная проблема, обостренная в России резким сокращением геополитического пространства государства ("распад империи"), сепаратистскими реакциями на разрушающиеся централизм и унитаризм.

"Государственнические", националистские и великодержавные идеи утверждаются в жизни особенно легко и быстро потому, что во-первых, их формулирование не требует особой рефлексии (что

особенно важно в условиях когнитивного и обусловленного им интеллектуального дефицита). Во-вторых, они кажутся наиболее легким способом завоевания политического влияния, поскольку апеллируют к элементарным потребностям и эмоциям массовых слоев. В-третьих, социальные группы, готовые активно поддержать эти идеи (номенклатура, чиновничество, директорат ВПК и т.д.), были наиболее структурированными, организованными и сознающими свои интересы в тоталитарный период и сохранили эти качества в новых условиях. Все эти факторы объясняют происшедшее в послеавгустовский период сближение значительной части демократов с консервативным большинством хозяйственной и управленческой элиты, которая сохраняла верность национально-государственным ценностям и авторитарно-командным представлениям о политической деятельности.

В результате всех этих процессов в среде политической и управленческой элиты с достаточной определенностью сложились две главные политические ориентации. Во-первых, национал-государственная консервативная ориентация, сплавливающая "патриотические" идеи с остатками социалистических ценностей. Она составила основу "непримиримой оппозиции". Во-вторых, государственно-рыночная ориентация, нацеленная на соединение рынка, понимаемого прежде всего как право на неограниченную частную и корпоративную прибыль, с командной ролью государственного аппарата, всесторонней поддержкой со стороны государства монополистических экономических структур. "Гражданский союз" является одним из наиболее откровенных, но далеко не единственным политическим представителем этой ориентации. К ней примыкает и значительная часть новых предпринимателей, ориентирующихся на поддержку государства и тесные связи с государственным аппаратом, на протекционистскую внешнеэкономическую политику. Названные ориентации не отделены друг от друга китайской стеной, скорее, они представляют собой сообщающиеся сосуды, обе они в той или иной мере опираются на популистские методы политической пропаганды и политической мобилизации.

С гораздо большим трудом осуществляется воспроизводство и утверждение либерально-демократического крыла политического спектра. Не имея точки опоры в социально-экономических реалиях российской жизни, ориентируясь целиком на интенцию и перспективу, питаемую довольно смутными социальными ожиданиями масс, оно смогло предложить обществу в качестве ориентира личное поведение лишь индивидуальную адаптацию, лозунг "обогащайся, кто может", а в политике — технократический прагматизм. Гуманитарная интеллигенция не смогла внести весомого вклада в идейно-политическое освоение новой реальности, погрузившись в значительной своей части или в идеологическую "чернуху" и мазохизм, или в истерическое самоутверждение своей элитарности и независимости от власти и политики. Для значительной части

интеллигенции характерно неприятие бюрократически-авторитарной составляющей новой власти и жертв, которых потребовала от нее экономическая политика реформаторов. Но эти слои противопоставляют бюрократизму власти, ее политике опять же абстрактно-демократический идеал, не наполненный ни социальной конкретикой, ни социальной практикой. В результате возникает нечто вроде агрессивной маниловщины, маниловского бунта против жестких реалий переходного периода. Лишенная конструктивного содержания, эта оппозиция играет пока что лишь роль "материала поддержки" определенных личных и командных честолюбивых амбиций.

Преобладание в российском элитарном политическом климате этатистско-великодержавных и мазохистски-упадочнических тенденций явилось одним из факторов, облегчивших выход на широкую политическую арену ЛДПР Жириновского. С одной стороны, идеология этого политического аутсайдера, в сущности, родственна идеологии государственничества и национализма, разделяемой большей частью истеблишмента. С другой стороны, отчуждение значительной части демократически ориентированной интеллигенции от существующей власти и распространенные в ее среде настроения безысходности не позволяют ей стать реальной СИЛОЙ сопротивления фашизоидным политическим тенденциям. Вследствие социально-психологических особенностей "политического класса" и примыкающих к нему слоев борьба "команд" за власть и собственность часто выступает как гораздо более рельефное явление российской политической ЖИЗНИ, чем борьба идей и концепций.

Складывающиеся идейно-политические течения, несомненно, отражают реальные альтернативы общественного развития России. Однако они не выражают сколько-нибудь полно содержания этих альтернатив, слабо связывают их с многообразными социальными потребностями и интересами. Одномерный, "лозунговый" характер их идейных платформ, бедность интеллектуального и культурного содержания обуславливают слабость их проникновения в толщу общества. Политический кризис сентября-октября 1993 г. и ожесточенность последовавшей за ними предвыборной борьбы усилили примитивность и популистские тенденции политических деклараций. Отсутствие в платформах либерально-реформаторского течения характерной для современных идеологий проблематики социальной солидарности, трудовых отношений и т.п. способствует воспроизводству архаических "антибуржуазных" стереотипов в арсенале консервативного коммуно-националистического лагеря.

Сложившимся или складывающимся идейно-политическим течениям соответствуют некоторые существующие тенденции массовой психологии. На консервативную часть политического спектра "работает" массовый страх перед новизной, неприятие новизны. Этот общий психологический синдром по-разному проявляется в разных социальных средах. Многие пожилые люди, особенно участники войны, малообразованные слои населения испытывают острый

когнитивный диссонанс, вызываемый противоречием между современной реальностью и тоской о "славном прошлом". Для психологии широких социальных слоев характерен неизжитый авторитарно-патерналистский комплекс, дискомфорт, связанный с утратой социальной защиты и покровительства. Его испытывают относительно привилегированные в прошлом социальные группы: работники ВПК, средний и низший управленческий аппарат, работники торговли и значительная часть аграрного населения.

Гораздо меньший отклик в массах находит воинствующий национализм, который пытаются сделать своим основным козырем лидеры национал-патриотических и коммунистических течений. Тоталитарно-авторитарный национализм является идеологией лишь части номенклатуры, военных, сотрудников госбезопасности; шовинистические настроения в большей или меньшей мере распространены в наименее образованных и просто люмпенских слоях населения. Таковы психологические условия, сформировавшие довольно ограниченную массовую базу "непримиримой оппозиции", а также "раннего" (1991 г.) Жириновского.

Крах советской системы и развитие рыночных отношений вызвали к жизни сложный комплекс социально-психологических тенденций в массовом сознании. Первым и наиболее общим результатом этих процессов явилось "освобождение потребностей", взлет социальных ожиданий массовых слоев, особенно младшего поколения, появление так называемого "Раскованного сознания", освобожденного от барьеров и ограничений, накладываемых нормами социалистического образа жизни. Конкретные последствия этого общего явления достаточно многообразны. В их числе и скачок потребительских aspirations (ожиданий), стремление как можно скорее войти в "общество потребления". Как показывают эмпирические исследования, уже в годы перестройки приобретение импортного автомобиля и капитальной дачи входило в жизненные планы большинства вступающей в жизнь молодежи. Лозунг "обогащайтесь!" стал реальной жизненной установкой множества молодых и не очень молодых людей, спекулятивный бизнес превратился в престижный вид деятельности. Для многих "освобождение потребностей" стало освобождением от социальных норм, с чем связано развитие массовой преступности. Однако деструктивное асоциальное поведение отнюдь не единственное последствие социально-психологических сдвигов. Антисоциальная составляющая "перестроечного" сознания оживила старую архитипическую "мечту о воле" — возникла и укрепилась стихийная демократическая тенденция массового сознания. Эта тенденция стала одной из главных составляющих социально-психологической базы массового "ельцинизма" начала 90-х годов. Другая ее составляющая — ориентация на сильного национального лидера, который призван обеспечить быстрое удовлетворение возросших социальных ожиданий в обстановке стабильности и порядка. На то же течение "работал" широко распространившийся в массовых слоях "за-

паднический" идеал, выразивший стремление к свободному, демократическому, благоустроенному обществу.

Осуществлению реформаторской политики содействуют сдвиги в массовых социально-экономических представлениях: рост престижа предпринимательства, более терпимое отношение к личному богатству и т.д., а также численный рост слоев, связанных с негосударственными формами хозяйственной деятельности. На смену старому советскому приспособительно-боязливому индивидуализму стал приходиться новый, постсоветский индивидуализм, ориентирующийся на риск, предприимчивость, авантюрный стиль жизни.

Массовое сознание стало перерабатывать первоначально абстрактно-утопические рыночные идеологемы в духе здравого смысла. Эта тенденция выражается, в частности, в трезвой оценке преимуществ экономической свободы и в стремлении использовать эти преимущества, в развитии установки на "отложенное вознаграждение" и в ориентации на будущее, во взвешенном отношении к позитивным и негативным последствиям реформ.

Эта стихийно-рационалистическая тенденция функционирует как на рефлекторном, так и на бессознательном уровнях массовой психологии. В политическом плане она выражается в ориентации на такие приоритеты, как твердая политическая воля государственного руководства, его компетентность и квалифицированность, способность проводить последовательный политический курс, преодолеть стагнирующий межумочный характер общественно-политической ситуации, обеспечить ее динамизм, стабильность, порядок и мир как внутри страны, так и на ее границах. Носители этой тенденции готовы "дать шанс" президенту и команде реформаторов довести до конца начатое ими дело, даже если стратегия реформ не представляется достаточно ясной. Подобные приоритеты преобладают в массовом сознании над идейно-политическими парадигмами и ценностями (либеральными, "государственническими", националистическими), так как реальный смысл последних еще находится в основном поле когнитивной неопределенности. Дефицит социальных знаний объясняет персонификацию политических представлений: при неясности идей и программ приходится надеяться на конкретных деятелей. Вот почему в период между августом 1991 г. и предвыборной кампанией 1993 г. развитие стихийно-рационалистической тенденции обусловило относительный перевес сторонников реформ и сильной президентской власти.

В тот же период усилились дифференциация и поляризация массового политического сознания. Помимо отмеченных выше факторов, ее обуславливали особенности личностно-индивидуальной психологии: люди с сильным уровнем "я", рассчитывающие на свои собственные силы и способности, склонялись к поддержке реформ и ускоренному обновлению социально-экономических отношений; "слабые" же были больше предрасположены к традиционному социальному иждивенчеству и консервирующим его общественным порядкам.

Они более склонны воспринимать собственную ситуацию с точки зрения ее сиюминутных проявлений, верить мифам о разного рода заговорах, распространяемым консервативно-коммунистической и националистической пропагандой.

Последовательные сторонники как либерально-реформистской, так и коммунистическо-консервативной и националистической политических ориентаций составляют относительное меньшинство общества. Это, однако, не означает, что психологии большинства населения, не имеющего четкого политического мировоззрения, вообще чужды какие бы то ни было политические мотивы. Оно хочет прежде всего восстановления стабильности и порядка в стране, повышения жизненного уровня, но в то же время заинтересовано в получении возможностей отстаивания своих интересов, обновлении социально-экономических и политических порядков, сочетающемся с социальной защитой. Эти наиболее многочисленные социальные слои не находят в политическом спектре России течений, адекватно выражающих их настроения и предпочтения. Эту функцию не может выполнить ни технократический реформизм, ни коммунистический и националистический популизм. В результате наиболее массовые слои общества фактически являются "политически бездомными", невыраженными. В стране углубляется взаимное отчуждение между политической элитой и обществом, которое отвергает как пренебрегающий социальными приоритетами узко-экономический подход к реформам, так и великодержавный национализм, к которому сползает большая часть "политического класса". Так, во время разгара событий в Таджикистане большинство российского населения, судя по данным опросов, требовало отвода российских войск с территории этой республики, в то время как политики самых разных направлений отстаивали противоположную позицию.

Развивающиеся в массовом сознании стихийно-рационалистические и стихийно-реформистские тенденции столкнулись с суровыми реалиями посттоталитарной экономической и политической жизни. Удар по этим тенденциям нанес прежде всего крах питавших их потребительских ожиданий. Здравому смыслу массового сознания трудно примириться с иррациональными аспектами социально-экономической ситуации — такими, например, как остановка даже эффективно работающих производств, систематическая невыплата заработной платы, отсутствие финансирования полезных государству и обществу видов производственной и исследовательской деятельности, неспособность переходной экономики использовать наиболее квалифицированные производственные и научно-исследовательские кадры, разгул преступности и коррупции. Не менее трудно ему примириться и с антидемократической структурой властных отношений, в которой не произошло каких-либо улучшений по сравнению с прошлым. Массовое голосование за ЛДПР Жириновского выразило главным образом протест против всех этих явлений.

Результаты выборов отражают и более глубокий психологический сдвиг в обществе. Авторитарно-патерналистский синдром, присущий русскому и советскому менталитету, был в значительной мере оттеснен новыми идеологами перестроечного и постелевгустовского периодов, но не подавлен ими вовсе. Кризис реформирования и демократизации пробудил и оживил этот синдром. В условиях, когда массовое сознание в основном освободилось от коммунистического коллективистского лицемерия, его оживление может питать идеологию фашистского типа. В отличие от коммунистической, ее характеризует откровенный культ силы, свобод индивидуалистических вождельний, находящей отклик в "морально раскованных" слоях общества, особенно среди молодежи.

Важнейшим препятствием для укрепления реформаторских демократических тенденций массового сознания является сегодня отсутствие политических течений и ориентаций, способных органически сочетать либерально-"рыночные" принципы с социальными приоритетами, выражающими интересы основной части общества, прежде всего его большинства — наемных работников. Именно такое социально-либеральное течение могло бы заполнить то пустое пространство, которое представляет собой центр российского политического спектра.